

не в кожу; и сейчас это собрание, я считаю, украшает полки моей библиотеки.

Напомню, что Л. М. Каганович был одним из ближайших соратников И. В. Сталина, членом Политбюро ЦК КПСС. Другой весьма видный руководитель в ранге министра в своей любви к творчеству Д. Лондона пошёл ещё дальше. В начале пятидесятых годов он заказал художественное клише, точно воспроизводящее рисунок, выполненный издательством «ЗиФ», на обложках выпущенных книжек. Тогда говорили, что он добился разрешения, чтобы использовать сделанное клише один раз на ледерине, материале, из которого делаются переплёты и один раз на бумаге, в виде суперобложек. После чего клише должно было быть уничтоженным.

Однако типографские дельцы пренебрегли этим условием и напечатали некоторое количество комплектов заготовок на ледерине для переплётов и суперобложек. Художественные переплёты из напечатанных заготовок отличались высоким качеством и были очень красивы, пожалуй, интереснее, чем кожаные. Мне неизвестно, какое количество отпечаток было сделано. Но мне помнится, что дельцы получили по заслугам, а один из необычных комплектов собрания сочинений Д. Лондона хранится и по нынешнее время в библиотеке моего друга.

Книги, изданные «ЗиФом», в настоящее время столь редки, что по моему мнению, не только целые комплекты собраний сочинений (кроме книжек подписного Джека Лондона) в хорошем состоянии можно иметь в книжном собрании, но даже и в виде от-

дельных томов, так как они являются своеобразным памятником книгоиздательской деятельности в России в двадцатых годах XX века.

Борьба с космополитизмом

В самом начале своей книгособирательской деятельности, мне стали помогать знакомые, соседи, коренные москвичи. В таком содействии, всего два-три года живший в Москве, я очень нуждался. Один из таких случаев я хорошо помню в связи с последующими событиями.

Как-то сосед мне предложил навестить какого-то врача, живущего на Петровке. Мой сосед, знакомый этого врача, рассказал ему обо мне, и врач попросил меня привести, сказав, что он хочет продать ряд книг, которые ему уже не нужны. Мы отправились, как говорят книжники (профессионалы и любители), по адресу. Дом, в который мы пришли, был многоквартирным (с позиции тех лет — 1948, 1949 гг.) и стоял на углу Петровки и Столешникова переулка. Хоть я совсем недолго жил в Москве, но то, что это место самого элитного жилья в городе, я себе уже представлял. Мы поднялись на пятый этаж, где на двери одной из квартир я прочитал: «Врач венеролог—дерматолог... Иеразулемский». После нашего звонка дверь открыли, и мы вошли в квартиру. Это была четырёх- или пятикомнатная квартира, богато обставленная, в том числе изобразительное искусство было представлено не только живописью, но и скульптурными произведе-

дениями. Книжные шкафы стояли в двух комнатах. Мне тогда было двадцать два года, и более богатой квартиры я ещё не встречал.

Заметив моё некоторое замешательство, мой сосед шепнул мне на ухо: «Это один из наиболее известных венерологов Москвы в 20е и 30е годы», объяснив мне происхождение богатства. Через несколько минут хозяин квартиры вышел к нам, и я, вдобавок к тому, что уже узнал о нём, увидел, что он еврей. Почему я это обстоятельство отмечаю, не характерное к теме книгособирательства, скажу сразу.

Дело было в декабре 1948 года, когда в стране разворачивалась кампания по борьбе с космополитизмом, в центре которой стояли такие враги Советской власти, как генетики, врачи, артисты и т. п. Под словами «космополит» и «низкопоклонник перед западными достижениями», прежде всего, имелись в виду евреи.

В начале это были различного рода сессии и конференции, потом фельетоны в печати и заканчивалось травлей человека — учёного, врача, артиста и видного хозяйственника — в тюрьме и ссылке. Только смерть Сталина положила конец этому явлению, повлекшему тяжёлые потери для нашей страны. Достаточно вспомнить, что кибернетика была у нас объявлена не нашей наукой, что породило наше отставание в области информационных технологий от западных стран, не преодоленное и в настоящее время.

Но вернёмся в квартиру. Глядя на врача, пожилого еврея, и видя обстановку в квартире, я, хоть и не был чекистом, но сразу понял — это враг, космополит, и у

кого, как не у такого следует отнять его имущество, как можно быстрее. Более того, подумал я дальше, сейчас нужно купить как можно больше книг, потому что, возможно, такого случая больше не будет. Но хозяин мне предложил купить только разрозненные тома собраний сочинений С. Цвейга, Стендаля и т. п. переводных авторов, тома, очень ценимые в то время. Я был доволен и попросил разрешения посмотреть все стоящие в полках книги. При осмотре мне очень понравилось полное собрание сочинений В. Скотта в 18ти томах, издания конца XIX века, и я спросил, не продаст ли он его. Мне было отказано со словами, что «полные собрания он продавать не собирался». На этом мы и расстались. Через несколько месяцев познакомивший нас сосед мне сказал, что врача посадили за неправильное лечение кого-то, осудили с конфискацией имущества и отправили в лагерь. Гордиться своим прогнозом я не стал. Жалко мне было этого человека.

Прошло три года. В 1952 году я захожу в букинистический магазин на теперешней Мясницкой улице и, к моему изумлению, вижу в продаже понравившееся мне собрание сочинений В. Скотта. Я к тому времени уже знал, что во дворе этого магазина находился букинистическая база «Мосбуккниги», куда свозились книги, конфискованные по решению судов и входящие в состав вымороченного имущества, т. е. имущества умерших одиноких людей, не имевших наследников. С этой базы книги могли передаваться для продажи в любой букинистический магазин, но, чаще всего, они передавались для реализации в близ-

лежащий магазин на Мясницкой. Я тогда жил в этом же дворе и был хорошо знаком с отдельными работниками магазина. Глядя на книги В. Скотта, вид которых был настолько оригинальным, что спутать их с другими было невозможно, и, прикинув число лет, прошедших после ареста врача, я удивился длительности процесса, последующего после ареста врача и реализации книг. Мне показался он неоправданно долгим. Я спросил продавца, откуда это собрание, не из имущества Иерусалимского? Продавец обещал узнать и отправился на базу, откуда книги поступили. Его ответ меня ошеломил: «Нет, не от Иерусалимского, о котором я понятия не имею, а от Льва Романовича Шейнина, о котором я много слышал».

Теперь мне приходится дать короткую справку о Л. Р. Шейнине. Многие годы (в том числе и тридцатые) Лев Романович работал следователем Генеральной прокуратуры по особо важным делам, талантливым писателем, драматургом и в связи с этим известный деятель культуры, также был арестован и, наверное, осужден (я этого точно не знаю) в 1951 году. Думаю, что главной причиной ареста был его космополитизм, (он был евреем), хотя как он мог проявляться в ходе следствий, проводимых Шейниным,— не представляю. Тем не менее, в стране было известно, что он уволен и арестован. В этот момент я получил об этом материализованное представление.

Мне сразу пришла в голову мысль, что Лев Романович успел до своего ареста пожить конфискованным у врача с Петровки имуществом. Я употребляю специально термин «пожить», так как

не знаю, на каких условиях прошло подобное перераспределение. Но недолго пользовался второй на моих глазах собственник В. Скотта, и у него его тоже отняли. Мне очень хотелось купить выставленное на полке магазина собрание, но я подумал о его неблагоприятной для хозяев судьбе (тем более что я три года уже работал и, вообще, имел все данные попасть в космополиты) и заколебался. Тем не менее, собирательская струнка победила мой страх, и я купил его. Через несколько месяцев умер Сталин, и борьба с космополитизмом в виде антисемитизма прекратилась. Были освобождены из тюрьмы видные советские врачи, которые благодаря аресту не участвовали в последние годы жизни вождя в его лечении, что, возможно, отразилось на состоянии его здоровья и обстоятельствах смерти.

Были освобождены и полностью реабилитированы Иерусалимский и Шейнин. Врачу даже вернули квартиру, а разграбленное имущество найти не смогли. Шейнин на работу в прокуратуру не вернулся и стал видным советским писателем, драматургом, сценаристом. По его сценарию был снят известный фильм «Поединок», в котором показана борьба германской разведки с нашей контрразведкой за овладение секретами производства легендарных «катюш», многоствольных ракетных установок.

Что касается меня, третьего собственника собрания В. Скотта, то удовольствие от владения им было недолгим. Через два-три года в стране стало выпускаться собрание В. Скотта, более полное по содержанию и в лучших современных переводах. По со-

стоянию моей психологии собирателя на то время (ценителя переводов, а не переплётов), я поспешил избавиться от него, оставившего мне воспоминания и размышления, с которыми, как мне представилось, будет интересно поделиться с будущими читателями.

Уфимские покупки

К сороковым-пятидесятым годам XX века, начальным годам моего собирательства относятся несколько случаев, связанных с покупкой старых книг, о которых мне хотелось бы рассказать.

Романтика книжного собирательства, чаще всего, начинается с процесса покупки книг, причём наиболее интересным и увлекательным бывает этот процесс не на полках букинистических магазинов, а в нетрадиционных случаях, на рынках, при встречах с незнакомыми людьми, непосредственно в местах нахождения книг, тебе ещё неизвестно каких, в квартирах, дачах, а, иногда, и просто на улицах. О некоторых, наиболее памятных случаях, мне хотелось бы поделиться с читателями.

В городах, где не была организована букинистическая торговля, а таких в России было большинство (за исключением Москвы и С.-Петербурга), население, желающее продать старые книги, вынуждено было это делать на рынках, или просто разложив продаваемые книги на улицах, желательнее наиболее многолюдных.

В конце сороковых годов мне приходилось много времени проводить в г. Уфе. Это старинный губерн-

ский город, поэтому там должен был быть определённый слой интеллигенции, основных читателей книг в дореволюционное время. Видимо, поэтому на рынке старых вещей, что в обиходе называлось «толкучкой», был специальный угол, где желающие продавать книги раскладывали их прямо на земле, подстелив какие-нибудь старые газеты. Каждый раз, бывая в Уфе, я обязательно посещал эти места. В те годы я подбирал собрания сочинений русских и иностранных писателей и искал определённые тома, которых не хватало в моём подборе. В одном случае, спрашивая каждого, который продавал книги, нет ли у него, может быть, дома той или иной книги; одна женщина мне ответила утвердительно, взволновав моё собирательское сердце.

Мне очень нравились (да и сейчас тоже) произведения француза Оноре де Бальзака. В послевоенные годы единственным собранием этого писателя в современных переводах было двадцатитомное, у книголюбив оно называлось «зелёным» по цвету переплётов, собрание сочинений, изданное малым, даже для того времени, 10ти тысячным тиражом. 16 томов вышли до войны, а 4 тома — после войны. Когда я только начал подбирать это собрание, бывалые знатоки меня предупредили, что самый редкий том — № 10 с романом «Блеск и нищета куртизанок». В то время мне ещё не пришлось прочитать много произведений этого замечательного романиста, но один из основополагающих романов «Человеческой комедии», этой многотомной эпопеи — «Утраченные иллюзии», — я прочитал, так как он был выпущен в томе, вышедшем